

Поездка обратно на Гриммаулд Плейс прошла спокойно, и, несмотря на дискомфорт, Какаши внимательно следил за Поттером. После больницы мальчик выглядел бледным и не подавал признаков улучшения. Вернувшись, Поттер помчался вверх по лестнице, Какаши последовал за ним и, войдя в комнату, увидел, как он ставит сундук на кровать и начинает запихивать в него одежду.

Каждое движение Поттера сопровождалось паникой, и Какаши специально заставлял свои шаги скрипеть по старым половицам, привлекая к себе взгляд Поттера.

- Для них будет безопаснее, если меня здесь не будет.

Какаши продолжал смотреть, и действия Поттера застопорились.

- Почему ты смотришь? Так и будет. Это для них. Если Волдеморт действительно в моей голове, то мне нужно уйти.

Картина заговорила.

- У меня есть сообщение от Альбуса Дамблдора, прежде чем вы совершите свой столь благородный побег.

Поттер посмотрел на картину, но его руки замерли.

- Оставайся на месте.

- Что?

- Я только что сказал это, болван. Оставайся там, где ты есть. Никаких благородных побегов во имя высшего блага и тому подобной ерунды.

- Он сказал, почему? - хмыкнул Поттер.

- Ничего такого, - весело ответила картина. - И ты, в красном шарфе.

Какаши поднял бровь, когда картина повернулась к нему.

- Ты должен держать мальчика здесь и подальше от опасности.

Какаши закатил глаза. В конце концов, это была его миссия. Картина ушла, а Поттер бросил свой сундук на пол, завалился на кровать и сложил руки. Убедившись, что он никуда не денется, Какаши вышел из комнаты, чтобы еще раз просмотреть меры безопасности.

Гарри удалось избегать всех до следующего дня, пока Гермиона не постучала в его дверь. Она потащила его вниз, чтобы поговорить с Роном и Джинни, и после разговора с Джинни выяснилось, что он не одержим. Джинни знала, каково это - быть одержимым Волдемортом, и то, что с ним произошло, было не похоже на это. Это не помогло решить, что произошло, но ему стало легче.

Сириус заразил всех духом Рождества, и после ужасных событий в начале каникул Гарри наконец-то начал ощущать это на себе. Он чувствовал себя таким нечистым, таким грязным, что мысль о том, что кто-то вроде Волдеморта находится в его теле и использует его для причинения вреда людям, вызвала у него физическую тошноту. Мысль о том, что кто-то вроде Волдеморта вообще находится в его теле, была достаточной, чтобы сделать его физически больным. Он не знал, как Джинни это удавалось.

Он пытался выбросить эти мысли из головы, пока Рон в четвертый раз обыгрывал его в шахматы для волшебников. Это был тихий вечер перед Рождеством, Гермиона вязала, а Джинни читала неподалеку. Миссис Уизли готовила на кухне закуску, а Сириус безмятежно сидел перед камином. Гарри не знал, как он мог хоть на секунду подумать, что сможет вернуться к Дурслям на Рождество. Там у него не осталось ни одного счастливого воспоминания, и он не мог представить, что это когда-нибудь изменится.

В комнате появился Хатаке, одетый в точно такой же наряд, в каком он был в больнице Святого Мунго, с шарфом и всем остальным. Гарри не видел его в доме последние несколько дней, и это было немного странно по сравнению с его постоянным присутствием в Хогвартсе.

- Эй, Хатаке, ты умеешь играть в шахматы?

На его вопрос все странно посмотрели, в том числе и шиноби.

- Нет.

- Нет лучшего времени, чтобы научиться, - усмехнулся Гарри, вставая со своего места. - Я устал проигрывать Рону.

Гарри не был самым наблюдательным человеком в мире, но он видел разницу между Хатаке в Хогвартсе и Хатаке здесь. Он видел, как тот вел себя рядом с Невиллом и когда Гарри застал его наедине. В нем было что-то человеческое; не могло же все это быть притворством. Он все еще злился на всю эту историю с телохранителем, но это было на совести Дамблдора, а не Хатаке. Оставался еще вопрос о его происхождении, но чем больше они узнавали о шиноби, тем меньше смысла в этом было.

Какаши сделал небольшую паузу, а затем медленно двинулся через комнату и сел. Гарри сел рядом с Сириусом, который все еще недоверчиво смотрел на него. Гарри пожал плечами. Часть его души не ожидала, что Хатаке согласится.

Когда Рон начал объяснять правила, неловко двигаясь на своем месте, Гарри заметил, что Гермиона ерзает на своем месте.

- Эй, Хатаке?

Хатаке поднял глаза от шахматной доски, его взгляд не читался в единственном сером глазу.

- Почему здесь нет больше шиноби? Если они такие же, как ты, с магией и всем остальным, то, конечно, их должно быть больше? - Глаза Гермионы были сфокусированы на шиноби.

Это был хороший вопрос. В Хогвартсе был Хатаке и еще один, но Гарри не слышал ни о ком другом. Судя по тому, как о них говорили другие, они появлялись довольно редко, но ведь у Хатаке их целая деревня, верно?

Хатаке на мгновение замолчал, но Гермиона не стала ждать.

- Я знаю, ты ненавидишь отвечать на вопросы и все такое, но кому мы расскажем? Мы - студенты, а Сириус - беглец. Министерство нас сейчас ненавидит. Я просто хочу знать, потому что сведения о ваших людях так далеки и немногочисленны, и я хочу быть лучше информированной.

Хатаке молчал еще минуту.

- Мой народ редко заходит так далеко. Наша земля неизвестна миру, и мы хотим, чтобы так было и впредь. Мы имеем дело с вашим народом, потому что вас так мало, что пользы от вашего знания больше, чем риска.

Гарри и Сириус вздрогнули на своем диване, когда Хатаке ответил на вопрос Гермионы. Шок отразился на ее лице, но затем ее черты снова приобрели решимость.

- Но если они все такие же, как ты, тебе будет легко захватить власть.

- Возможно, - пожал плечами Хатаке. - Однако, чтобы перевезти достаточно большие силы, придется приложить больше усилий, чем стоит вся затея, так как покинуть страну сложно. Границы охраняются, и если бы мы оставили свою деревню надолго, чтобы вторгнуться сюда, то когда мы вернемся, у нас не будет деревни, в которую можно было бы вернуться.

- Что ты имеешь в виду? - Гермиона наклонилась вперед, перо наготове.

- Мы постоянно находимся в состоянии войны, и до сих пор не было достаточно веской причины, чтобы объединить все деревни. Если бы моя деревня ушла, другая бы вторглась. То же самое произойдет, если другая деревня уйдет, мы вторгнемся к ним. Таков порядок вещей.

Мы предпочитаем держаться сами по себе и посылать шиноби раз в несколько десятилетий или около того для выполнения отдельных миссий.

- Зачем рассказывать нам все это? Что, если мы используем это против вас? - Рон хмуро смотрел на Хатаке, пока Гермиона записывала свои заметки.

- Что именно? - Несмотря на то, что Хатаке по-прежнему не выражал никаких эмоций и не сдвинулся ни на дюйм, Гарри не мог отделаться от ощущения, что его это в какой-то мере забавляет. - Я не сказал тебе ничего такого, что можно было бы использовать в оскорбительных целях.

- Я не поэтому спросила, - Гермиона посмотрела на Рона. - Почему именно ты, из всех? Конечно, должен был быть кто-то более квалифицированный для такой важной миссии, ведь она так редка.

- Гермиона, я не думаю, что оскорбляя его, ты получишь ответы на свои вопросы, - вздохнул Гарри.

Когда ее лицо стало ярко-красным от ужаса, казалось, что она регистрирует свои собственные слова, Хатаке заговорил.

- Я был доступен и квалифицирован.

- Но, конечно, люди скучают по тебе? Особенно если ты не поедешь домой на Рождество?

- У них нет Рождества, - сказал Гарри. - У них есть что-то под названием Фестиваль Ринне. Звучит очень круто.

- Нет Рождества? - прорычал Рон, сбивая своего слона, когда он передвигал фигуру.

- Подождите, это значит, что вы не получите подарков? - впервые заговорила Джинни, давно отложив книгу. - Или рождественского ужина? Или рождественскую елку? Или рождественские джемперы?

Хатаке покачал головой.

- Нет. Мы обмениваемся подарками с друзьями и родственниками, но в центре праздника - память об ушедших, - сказал он. - Мы зажигаем свечи за них и посещаем святилища, чтобы сделать подношения и помолиться.

После его слов наступила тишина.

- Возможно, это было бы хорошей традицией, - сказал Сириус. - Мы могли бы зажечь свечи в этом году.

Гарри быстро перевел взгляд на Хатаке, но шиноби снова смотрел на шахматную доску.

- Но ты уверен, что не пропустишь это? - Гермиона надавила. - А как же люди, которые ждут тебя?

- Другие люди посетят свои святыни вместо меня, - небрежно ответил Хатаке, передвигая коня, прежде чем проверить с Роном законность хода.

- Наверное, она имела в виду живых людей, - проворчал Рон, даже не поднимая глаз от доски, когда сарказм сорвался с его языка.

В комнате воцарилась резкая тишина. Хатаке долгое время оставался неподвижным, прежде чем постучать по своей королеве и встать.

- Я собираюсь провести проверку безопасности.

Тишина сохранялась, когда он вышел из комнаты, и затянулась до тех пор, пока Гермиона не заговорила.

- Это было из ряда вон выходящее, Рон.

- Я не имел в виду...

Джинни прервала его.

- Такт - это то, что ты должен попросить на Рождество.

- Я думаю, это был первый раз, когда он действительно сел и поговорил с нами, просто чтобы поговорить, - размышлял вслух Сириус. - Больше всего слов я когда-либо слышал от него.

Рот Гермионы закрылся, и она уставилась в пол, расстроенная. Она задала все эти вопросы, но, глядя на своего лучшего друга, Гарри не мог не почувствовать легкого разочарования, когда Рон собирал шахматную доску. Он знал, что Хатаке ему не нравится, но так ли уж это необходимо?

Подтекст слов Рона и ответ Хатаке вихрем пронеслись в мозгу Гарри. Неужели Хатаке не к кому вернуться домой? Не потому ли он избегал этого вопроса и не потому ли, что был недружелюбным параноиком? Слова Хатаке о его маске снова всплыли в его голове. Была ли

причина, по которой он единственный носил маску, в том, что он единственный из его семьи остался в живых? Может, он слишком много об этом думает?

Близнецы вошли в комнату и остановились в мрачной тишине.

- Ого, кто умер? - спросил Фред.

Но шутка не удалась.

<http://tl.rulate.ru/book/64342/1809926>